

КИНОЗАЛ

Героев объединила смерть и любовь, как всегда и бывает в России.

«Любовь и ум, а между ними — пропасть»

НА 37-м МОСКОВСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ФЕСТИВАЛЕ ПОКАЗАЛИ НОВЫЙ ФИЛЬМ РЕЖИССЕРА АЛЕКСЕЯ КОЗЛОВА «ЗАПРЕТ», КОТОРЫЙ БЫЛ СНЯТ НА ЛАДОГЕ ПРАКТИЧЕСКИ БЕЗ БЮДЖЕТА

1942 ГОД, маленький холодный остров посреди Ладоги. На нем — две пары влюбленных: итальянский моряк Джакомо и дочь священника и цыганки Лора, русский капитан Георгий и монахиня Пелагея.

На первый взгляд, фабула напоминает «Кукушку» Александра Рогожкина: северная природа, война и непримиримые враги в одной клетке. Но здесь нет рокожжизни трагикомизма, и никто не уйдет с острова невредимым. Жгучий обаятельный Джакомо (его играет главный наш итальянец Джулиано Ди Капуа) — и суровый Георгий (Сергей Яценко), томная черноволосая Лора (Анна Молчанова), почти весь фильм говорящая по-французски, — и грубоватая-простая, с Достоевской истеричной хитринкой Пелагея (Наталья Ткаченко): все они серьезные, как герои греческой трагедии, северный ландшафт под их ногами — как экзистенциальная пустыня из фильмов Бергмана. Их страстные любовные речи незаметно переходят в холодные философские послания о самоощущении и идентификации. Печать ставит отец Лоры (Георгий Тараторкин, как будто опять примеривший шинель Раскольникова). По сюжету он — священник, интеллигент, безрассудно полюбивший цыганку, «азиатку»: «А я как однажды ухватился одною рукой за Эйфелеву башню, другою — за Магадан, так и вишу над пропастью с вопросом, какую же руку должно отпустить мне первой. Жизнь прожил почти — а так и не знаю ответа. Проклял себя — а так и не решил. Моя любовь к азиатке и мой европейский ум, а между ними — пропасть. В этом моя русская суть. И суд мне не Бог — а я сам. И дочь моя так же потерялась между любовью и верой, и тоже будет искать это ответ».

Мы побеседовали о смысле и создании «Запрета» с режиссером, продюсером и сценаристом фильма **Алексеем КОЗЛОВЫМ**.

— Съемки шли на Ладоге, на одном из «островов Иисуса» — Йиссусаарет. Это недалеко от Лахденпохьи — наверное, полчаса на хорошей моторной лодке, — рассказал режиссер. — Маленький остров, с которого вообще началась вся эта история. Когда у меня возникла идея сценария, я попросил своих товарищей: «Найдите мне остров». Они поехали и нашли — это было осенью 2012 года. Этот остров реально входил в систему валаамских скитов, которые тогда были распространены намного шире, чем сегодня. После этого в течение зимы я писал историю под этот остров. Съемки начались через год, в сентябре 2013-го. Мы заехали маленькой группой в 15 человек. Актеры работали за копейки, жили на острове в палатках, в сентябре и потом — в мае. Замечательный наш художник, Павел Новиков, построил декорацию, которую мы туда перевезли, — храм и другие сооружения. Декорация, кстати, так там и стоит и вызывает восторг у проезжающей мимо публики. Остров фактически стал местной достопримечательностью.

— Я правильно понимаю, что бюджета у вас фактически не было?

— Что называется, деньги брали сами у себя. У нас не было поддержки Министерства культуры, мы туда даже не обращались.

— Есть все-таки какая-то историческая основа за вашим сюжетом?

— На Ладоге действительно стояли итальянцы в 1942 — 1943 годах. Бойцами они были не очень умелыми, было им холодно, воевали плохо. Довольно быстро были разбиты, расформированы и отошли в Финляндию. И роман русской монашки и итальянского офицера действительно имел место на этом острове. Конечно, во время войны такая любовь была бы под запретом — отсюда и название фильма.

Другая линия — история русского капитана. И она тоже связана с историческим фактом. Вы знаете, что в свое время одна из барж, вывозивших беженцев из Ленинграда в начале блокады, была уничтожена немцами. Тысяча двести человек погибли. И через город плыли детские панамки, чемоданы... Сильная картина. И наш герой, который стреляет в итальянца, сначала, кажется, просто ненавидит врага. А потом выясняется, что на этой барже у него было трое детей.

— Когда можно ожидать прокат в России?

— С прокатчиками у нас нет договоренностей, поэтому, к сожалению, не могу сказать ничего конкретного.

Генеральный спонсор
ОАО «РЖД»

Кто разгадывает тайны «Траурного» натюрморта

КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ВП» ПОБЫВАЛИ В ГОСТЯХ У РЕСТАВРАТОРОВ РУССКОГО МУЗЕЯ

«ОДИН СЕЗОН ВАШ БОГ — ВАН ГОГ, ДРУГОЙ СЕЗОН — СЕЗАНН»

Согласно известной латинской поговорке, жизнь коротка — искусство вечно. Звучит красиво, но не вполне соответствует истине. Хотя произведения искусства долговечнее, чем люди, они тоже беззащитны перед временем. Спасают шедевры реставраторы. Их можно сравнить с врачами. Кстати, главный принцип, которым они руководствуются, тот же, что и у врачей: не навреди! И оказывается, реставраторы тоже часто носят белые халаты.

Об этом нам рассказала **Евгения Шуккина**, реставратор высшей категории Русского музея. Она много лет работает в мастерской реставрации живописи смешанных техник.

— Халат защищает самого реставратора, — говорит Евгения Юрьевна. — Ведь мы часто работаем с растворителями, химикатами. Цвет одежды важен и для этапа художественной реставрации. Если реставратор, допустим, одет в красное, то, когда он встанет рядом с картиной, сразу пойдут блики. Поэтому нужна одежда нейтрального цвета.

Отдел реставрации в Русском музее — огромный, он состоит из 16 подразделений. Мы выбрали мастерскую реставрации живописи смешанных техник, потому что она — уникальная.

Даже в Эрмитаже такой нет. И в Третьяковской галерее. Впрочем, необходимость создания той или иной реставрационной мастерской, как нам объяснили, определяется особенностями музейной коллекции. В Русском музее такая необходимость назрела 25 лет назад. Дело в том, что в музейном собрании хранится очень много произведений живописи и графики, выполненных в смешанной или нетрадиционной технике.

Художники во все времена экспериментировали с основой, красками, составами, техниками. Не всегда эти эксперименты были удачными. Исправлять ошибки, допущенные творцами, приходится реставраторам.

На рубеже XIX — XX веков появилось особенно много произведений искусства, созданных в смешанной технике: когда художники использовали разные основы, а наряду с масляной краской применяли темперу, гуашь, пастель.

Ведь это было время активных поисков нового в искусстве, дерзких экспериментов, смены стилей — быстрой, как в калейдоскопе. Маяковский писал: «Один сезон ваш Бог — Ван Гог, другой сезон — Сезанн».

А в первые послереволюционные годы экономика страны была разрушена. Художники порой не могли купить материалы, необходимые для творчества, вынуждены были заме-

нить холст мешковиной, бумагу — газетой, картон «бистроль» — фанерой.

Каждый из таких экспонатов требует тщательного изучения, индивидуального подхода.

КОФЕ ЗА СОЗЕРЦАНИЕМ ШЕДЕВРОВ

Простой пример: живопись, сделанная пастелью на холсте. Ее нужно реставрировать. Реставратор живописи скажет: «Пастель — это не мой материал». А реставратор графики откажется по причине, что основа работы — не бумага, а холст.

В таких случаях требуются мастера, которым знакомы и реставрация живописи, и реставрация графики.

— Взгляните на эту работу, — говорит Евгения Юрьевна, — живопись это, по вашему мнению, или графика?

Внимательно смотрим. Наверное, все же графика — потому что на бумаге.

— Но в нашем музее эта работа художника Эдуарда Спандикова (1913 год) хранится в фонде живописи, — поясняет Евгения Юрьевна. — И я как реставратор скажу, что это — живопись, потому что изображено плотно. Но сделано оно на бумаге. Поэтому и нужно совмещать при работе методы реставрации и живописи, и графики. И таких работ в музейной коллекции очень много.

Еще пример — работа известного художника Владимира Малагиса: натюрморт «Траурный» (1927 год).

На картине — черный хлеб, лимон, фрагмент газеты и ноты. Присматриваемся. Газета называется «Петроградская правда», хорошо пропечаталась цена — 500 рублей. Дальше фраза: «21 января в 6 часов скончался Владимир Ильич...» Остальные закрыты ноты песни «Вы жертвою пали». Дата не видна, но и так понятно, что номер посвящен смерти Ленина. Потому и натюрморт назван траурным.

Непонятно другое: откуда же в январском Петрограде в такое тяжелое время взялся лимон? Может быть, художник написал его не с натуры — по памяти?

Но лимоном секреты натюрморта не исчерпываются. Оказывается, у работы Малагиса есть еще и тайная сторона. В буквальном смысле слова. Об этом нам рассказывает Евгения Юрьевна:

— Это работа из фондов, она приобретена не так давно. Мы должны подготовить ее к выставке новых поступлений. Казалось бы, все укладывается в схему реставрации живописи: от подрамника есть изломы, кракелюр, живописная поверхность загрязнена, лак неравномерный. Но посмотрите!

И переворачивает натюрморт «Траурный» тыльной стороной. А там — другое изображение, выполненное темперными красками: распятый Христос и стоящая у креста Богоматерь. Предположительно это более ранняя работа Малагиса. Видимо, художнику было не на чем рисовать, в послереволюционные годы сложно было достать холсты, картон, и он использовал оборотные стороны своих же работ.

— Вторая картина обнаружилась не так давно, она была закрыта картоном. При реставрации нам нужно учитывать и лицевую, и тыльную стороны, — рассказывает Евгения Шуккина. — Мы должны подгото-

Евгения Шуккина рассказывает о реставрации работы Владимира Малагиса.

вить к экспонированию обе стороны, работа будет стоять в стенде.

Комната, где располагается мастерская, совсем небольшая. Посреди нее — старинный стол с резными ножками, красивый, массивный, любовно обработанный на века. Сейчас таких не делают.

Интересуемся, не объект ли это реставрации.

— Нет, — смеется Евгения Юрьевна, — это наш рабочий стол. Ему, наверное, больше ста лет. Когда-то служил для целей реставрации в другом помещении. Переезжая, мы забрали его с собой. Он очень удобный: массивный, выдерживает большие нагрузки.

Но иногда реставраторам приходится работать и на полу. Так было, когда мастера трудились над реставрацией большемерных панно Константина Коровина. Эти панно, созданные художником для Парижской выставки 1900 года, попав в Русский музей, были накатаны на валы и хранились в фондах. К выставке, посвященной 150-летию художника, было решено отреставрировать большую часть из 30 панно. Почти год реставраторы мастерской работали над этим проектом в Михайловском замке. В 2011 году проект был отмечен специальным призом премии «Музейный Олимп».

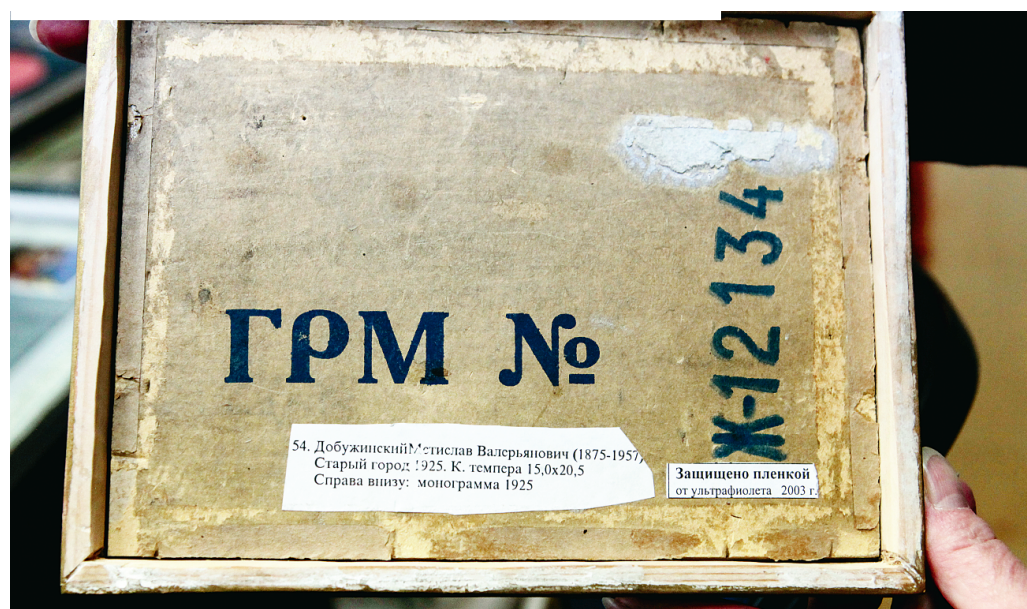
После выставки четыре панно было решено оставить в Бетонном зале, где сейчас находится музейный ресторан. Каждый раз, бывая здесь после посещения музея, я думаю: пожалуй, нет больше в Петербурге таких мест, где можно пить кофе, созерцая столь великолепную живопись.

Сами реставраторы шутят, что, когда приходят сюда обедать, могут не только любоваться корвинскими панно, но и следить за состоянием их сохранности.

Знаица АРСЕНЬЕВА
Фото Наталья ЧАЙКИ

Работа знаменитого графика Мстислава Добужинского тоже выполнена в смешанной технике.

«Траурный» натюрморт с оборотной стороны.

Федор ДУБШАН